

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
ГОРЛОВКИ В МЕМУАРАХ И
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.**

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ГОРЛОВКИ В МЕМУАРАХ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

БИРЮЗОВ, Сергей Семенович

КОГДА ГРЕМЕЛИ ПУШКИ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Бирюзов С.С.* Когда гремели пушки. — М.: Воениздат, 1961.

Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/memo/russian/biryuzov1/index.html>

Иллюстрации: <http://militera.lib.ru/memo/russian/biryuzov1/ill.html>

OCR, правка, оформление: [Ноахер](mailto:hoaxer@mail.ru) (hoaxer@mail.ru)

Дополнительная обработка: [Ноахер](mailto:hoaxer@mail.ru) (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста книги.

Аннотация издательства: Автор книги начал Великую Отечественную войну в должности командира 132-й стрелковой дивизии, героически сражавшейся в составе 13-й армии с танковыми полчищами Гудериана. Затем ему довелось служить начальником штаба 48-й и 2-й гвардейской армий. Последней в то время командовал Р. Я. Малиновский, и на ее долю выпала тяжелая миссия — отразить натиск группы Манштейна, рвавшейся на выручку гитлеровским войскам, окруженным под Сталинградом. Далее следуют бои за освобождение Донбасса и Крыма. С. С. Бирюзов — уже начальник штаба фронта. По долгу службы он встречается со многими видными советскими полководцами — представителями Ставки, с командирами прославленных дивизий и полков, партизанами, колхозниками и рабочими. Обо всем этом и рассказывается и книге «Когда гремели пушки». Ее с большим интересом прочтет каждый советский человек независимо от возраста и профессии.

.. «Мы стремились в первую очередь овладеть важнейшим промышленным узлом Донбасса — городами Сталино, Макеевка, Горловка, где на сравнительно небольшой площади были сосредоточены крупнейшие шахты и металлургические заводы. Штаб Южного фронта так планировал и координировал действия армий, чтобы не выпустить отсюда немецко-фашистские войска и не дать им возможности привести в исполнение свои

намерения по взрыву доменных и мартеновских печей, по затоплению шахт, не позволить вывезти награбленное добро и угнать в рабство местное население. Именно поэтому заботы наши сосредоточились теперь на правофланговых армиях. Туда была нацелена большая часть авиации, резервы артиллерии и танков. Это, естественно, приводило к некоторому ослаблению войск, действовавших вдоль побережья Азовского моря, но другого выхода у нас не было.

Наступательный порыв был неудержим. В освобожденных городах и шахтерских поселках жители встречали нас со слезами радости.

Наша фронтовая газета опубликовала в те дни открытое письмо трудящихся Донбасса. Обращаясь ко всем солдатам, офицерам и генералам Южного фронта, они писали:

«Дорогие товарищи! Сердечный шахтерский привет шлют вам ваши отцы — старые шахтеры, жены ваши и сестры, что наравне с мужчинами героически работают в шахтах, юные горняки — дети, что заменили своих отцов в трудный час... Гоните немца безостановочно. [195] Бейте его, проклятого. Скорее освобождайте нашу пострадавшую горняцкую землю».

Это письмо читали тогда на митингах, партийных и комсомольских собраниях. Слова в нем были привычные, однако в тот момент они имели какую-то магическую силу.

Несмотря на исключительную занятость оперативными вопросами, мне тем не менее приходилось читать политические донесения, наградные материалы. И как часто в этих документах упоминалось обращение горняков при мотивировке мужественных поступков и истинного героизма наших бойцов и командиров! Мы имели несколько случаев повторения бессмертного подвига Александра Матросова. Были у нас свои прославленные снайперы, храбрейшие разведчики. Был и свой Гастелло. Однажды при штурмовке противника получил тяжелое повреждение самолет, пилотируемый младшим лейтенантом Поповым и имевший на борту воздушного стрелка сержанта Кручина. Машина вспыхнула. И в этот момент прозвучал по радио спокойный голос Попова: «Спасти машину невозможно. Обрушиваю ее на врага. Прощайте, друзья. Вспоминайте иногда о нас...»

В боях за Донбасс во всем блеске проявилось боевое мастерство А. И. Покрышкина — ныне трижды Героя Советского Союза. Там же приумножили свою славу дважды Герои Советского Союза Б. Б. Глинка, В. Д. Лавриненков, А. В. Алелюхин и многие другие, чьи имена так популярны среди нашего благодарного народа.

А сколько героев было среди пехотинцев, танкистов, артиллеристов!

Пример незаурядного мужества показали бойцы стрелкового батальона под командованием гвардии майора Г. И. Тиунова. Ведя бой на главном направлении, подвергаясь непрерывным атакам авиации и танков противника, они упорно теснили гитлеровцев и блестяще выполнили поставленную перед батальоном задачу.

В одном из боев прямым попаданием бронебойного снаряда был подожжен танк коммуниста гвардии лейтенанта Григория Харченко. Осколками ранило в ногу и руки механика-водителя гвардии старшину Ивана Толстоусова (тоже коммуниста). Но, преодолевая боль, он продолжал управлять танком. Огонь проник в боевое отделение. На лейтенанте Харченко загорелась одежда. [196]

Он тушил пламя, прижимаясь к стенкам башни, и делал свое обычное дело — стрелял из пушки. Пылающий танк мчался по полю боя, круша врага. Лишь после того как в него попал еще один снаряд и Харченко тоже был ранен, Толстоусов последним усилием развернул машину к каменному строению и укрылся за ним...

Теснимые нашими войсками, гитлеровцы попытались закрепиться на рубеже Никитовка, Горловка, Харцызск, Моспино и дальше по реке Кальмиус. Сильно пересеченный характер местности и наличие множества прочных каменных строений благоприятствовали им, позволяли создать здесь устойчивую оборону. Все населенные пункты на подступах к городам и важнейшим железнодорожным магистралям противник превратил в узлы сопротивления. Оборона городов носила ярко выраженный противотанковый характер, была круговой и глубоко эшелонированной. Подвалы домов превращались в доты. Широко применялись железобетонные колпаки. Их, как правило, устанавливали на перекрестках дорог, на городских окраинах.

И все-таки мы пробивались вперед. Уже 4 сентября бои шли в Горловке. Как сейчас помню выпущенный в те дни плакат: „мощная рука советского бойца душист Гитлера. И внизу надпись "ЗА ГОРЛОВКУ..."".

Но вот Горловка взята. На очереди Сталине. Пользуясь хорошими степными дорогами, немцы перебросили туда на автомашинах свежие резервные части. Одна за другой следуют контратаки. Некоторые пункты на подступах к городу по несколько раз в день переходят из рук в руки. Бои не затихали даже ночью.

С нарастанием темпов наступления работы в штабе прибавилось. Увеличивался поток донесений из войск. Доносили устно и письменно, по радио и по телефону. Все это нужно было соответствующим образом обработать, изменения в обстановке нанести на карту, важные выводы своевременно доложить командующему и представителю Ставки. А Федор

Иванович — человек дотошный: докладываешь ему о действиях 5-й ударной или 51-й армий, все, кажется, осветил и начинаешь уже складывать рабочую карту, но не тут-то было: Толбухин придерживает ее рукой и переводит взгляд к верхнему обрезу.

— Как дела на Юго-Западном? [197]

И начальник штаба должен ответить сразу же. Он обязан быть в курсе всех событий, даже на соседних фронтах.

Доложишь о положении войск Юго-Западного фронта, а командующий тебе новый вопрос:

— А где сейчас транспорт сорок два — тридцать четыре?

— Уже разгружается.

— Пусть ускорят разгрузку, и все скорострельные пушки немедленно отправьте механизированным корпусам

Я уже привык, что у командующего вопросы могут быть самые разнообразные:

— Каковы потери у Свиридова за вчерашний день?.. А мост через Еланчик не разбомбили немцы?.. Есть ли места в госпитале номер двадцать девять?..

Выручало то, что меня еще в военной академии научили хорошо вести рабочую карту. Затем, уже на службе в войсках я усовершенствовал эту систему. На обресе рабочей карты у меня всегда имелись записи, дополняющие общую обстановку. Делал я эти записи тоже условными знаками...

7 сентября бои за Сталино вступили в заключительный этап. Соединения 5-й ударной армии осуществили свой обходный маневр, овладели пригородными населенными пунктами и обрушились на фашистский гарнизон с трех направлений силами 9-го и 3-го гвардейского стрелковых корпусов. Тем временем 28-я армия овладела Старой Ласпой и создала условия для ввода в прорыв 11-го танкового корпуса.

Даже 2-я гвардейская армия, перед которой не стояла задача непосредственного участия в освобождении «шахтерской столицы», направила туда отряд под командованием капитана Ратникова. Этот отряд к 19 часам 7 сентября вышел к шахте «Мария», а затем ворвался на восточную окраину города. Несколько позже гвардейцы из того же отряда тт. Жуйков и Герасименко достигли городского театра и водрузили над ним Красное знамя.

8 сентября город Сталине был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков, и я стал очевидцем многих радостных и горестных сцен. Радостно было наблюдать, как шли по улицам под развернутыми [198]боевыми знаменами наши войска и конники везли в седлах улыбающихся ребятишек. А грусть навевали руины.

Почуввав неизбежность отступления, пять дней, как дикари, метались из конца в конец города команды поджигателей. Лучшая улица города, его краса и гордость — Первая линия — совсем перестала существовать. Почти все здания культурных учреждений и промышленные предприятия подверглись разрушению. У входа в кинотеатр имени Т. Г. Шевченко большими буквами было написано: «ВХОД ТОЛЬКО ГЕРМАНЦАМ». На заборах висели объявления, в тексте которых часто повторялось — выделенное жирным шрифтом слово «расстрел». В первой-классной гостинице «Донбасс» при оккупантах размещалось гестапо. В гостинице «Октябрь» они устроили дом терпимости. Многие каменные дома были переоборудованы под тюрьмы.

Такою же мрачную картину увидели мы и в других городах Донбасса. Богатейший край подвергся страшному опустошению. Не слышно стало паровозных и заводских гудков. Потухли факелы бессемеров и коксовых печей. Опустели и обезлюдели шахтные эстакады. Густым бурьяном поросли заводские дворы...

В груду камней превратили фашисты Горловку. Цветущий город стал пустырем. А в пригороде в семи глубоких траншеях нашли себе могилу тысячи горловчан. Обреченных людей привозили сюда и заставляли тесно ложиться в ряд на дно ямы лицом вниз. Затем их сверху расстреливали. На расстрелянных, среди которых копошились еще живые, заставляли ложиться новых — и так до тех пор, пока траншея не заполнялась доверху.

На шахте № 51 людей бросали живыми в шурф. И таким истязаниям подверглись не два — три и даже не десяток человек, а более 1800. В Краматорске было расстреляно и повешено 3 тысячи горожан. Еще больше — в Славянске.

В Чистяковском районе наши солдаты нашли жуткое письмо. Оно было опубликовано в нашей фронтовой газете, и мне хочется воспроизвести его здесь:

«Дорогие братья, мы верим, что вы скоро придете сюда и тогда, наверное, найдете наше письмо. Знайте, здесь был концентрационный лагерь. Около лагеря, там, где стоит крест, покоится прах 7000 советских граждан, расстрелянных или замученных штыками и голодом... Здесь убито около 600 раненых военнопленных. Мы пишем вам перед смертью. Через 5 — 10 минут нас тоже добьют... [199] Сообщите о нашей участи всем. Пусть

отомстят. Чувствуя свою гибель, фашисты, как бешеные, издеваются над нашими людьми... Прощайте! За нами уже идут. С коммунистическим пламенным приветом: старший лейтенант медицинской службы К. Х. Хамедов, санинструктор Курченко, красноармеец Андреев. 30 августа 1943 года».

Подобные документы попадались нам нередко. И они оставляли глубокий след в сердце каждого из нас.

Преследуя отступающего врага, все мы очень торопились. Был дорог каждый час. Малейшее промедление означало, что гитлеровцам удастся увеличить число своих жертв, произвести еще большие разрушения и опустошения на многострадальной донецкой земле.

Не знаю, как на других фронтах, а у нас на Южном именно в это время завелось хорошее правило: в освобожденные от противника города и рабочие поселки входить не кое-как, а в четком строю и с песней. Само собою разумеется, что каждому такому импровизированному параду войск предшествовала тщательная разведка: подразделения автоматчиков прочесывали развалины, саперы с миноискателями обследовали перекрестки улиц.»..

ПЕРЕСЫПКИН, Иван Терентьевич

...А В БОЮ ЕЩЕ ВАЖНЕЙ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Пересыпкин И. Т. ...А в бою еще важней.* — М.: Советская Россия, 1970.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/peresypkin_it/index.html

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/peresypkin_it/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Пересыпкин И. Т. ...А в бою еще важней. — М.: Советская Россия, 1970. — 254 с. / Тираж 50 000 экз.

Аннотация издательства: Эта книга воспоминаний маршала связи И. Т. Пересыпкина охватывает период с 1939 по 1945 год. Автору довелось быть участником крупнейших событий, формировавших историю нашей страны и закалявших характеры наших людей. По долгу службы ему приходилось бывать на многих фронтах Отечественной войны, принимать непосредственное участие в серьезных боевых операциях, встречаться с нашими крупными военачальниками: Жуковым, Василевским, Рокоссовским. В книге рассказывается о работе связистов в предвоенные годы, прослеживаются судьбы многих товарищей, трудившихся бок о бок с автором. Большая часть книги посвящена подвигу связистов во время Великой Отечественной войны.

Как и следовало ожидать, наиболее упорные и ожесточенные бои произошли в самом начале. Гитлеровцы, действовавшие на этом направлении, в течение нескольких месяцев создавали по западному берегу реки Миус мощный оборонительный рубеж, который считали неприступным. «Миус-фронт», по их мнению, являлся ключевой позицией к Донбассу. Именно поэтому они с особым остервенением сопротивлялись на этом рубеже. Но это им не помогло.

18 августа сокрушительным ударом мощной группировки советской артиллерии и авиации и стремительными действиями танковых, механизированных и стрелковых соединений начался прорыв «Миус-фронта». К концу августа была осуществлена блестящая операция по окружению и ликвидации таганрогской группировки противника. В сентябре Москва салютовала войскам, освободившим Артемовск, Краматорск, Горловку, Макеевку...

Мне посчастливилось быть в Горловке на своем [172] родном ртутном руднике в день освобождения. А через некоторое время мои земляки прислали письмо, которое я храню и по сей день, как драгоценную реликвию.

«Как никому, Вам, Иван Терентьевич, хорошо известно, что из себя представляла Горловка до оккупации, — писали земляки. — Наши шахты давали тогда 23000 тонн угля в сутки, машиностроительный завод давал до войны много первоклассного горного оборудования, коксо-химический завод давал тысячи тонн кокса и химпродуктов, азототуковый завод отправлял лучшие удобрения не только в разные районы нашей страны, но и в другие страны, доломитный комбинат обеспечивал наши металлургические предприятия высококачественным доломитом — все это теперь разрушено. Ваше родное предприятие, Иван Терентьевич, земляком которого вы являетесь, также до конца разрушено. Поезжайте туда и посмотрите, что осталось от хорошо знакомого вам ртутного рудника». В конце письма меня просили помочь со связью.

Мы приехали в Горловку в середине августовского летнего дня. В августе такие ясные дни часто бывают в Донбассе.

По пути остановились около разрушенных механических мастерских, где когда-то я работал. Затем поехали к дому, в котором мы жили вместе с матерью. Там увидели безотрадную картину: дома не было, остались только стены из известняка, которым так богата донецкая земля.

На своем родном руднике нельзя было не вспомнить о прошлом. Всем, кто находился со мной рядом, я рассказывал, как вон по этой тропинке мальчишкой бегал в школу, а вон там было наше футбольное поле, где в присутствии всех жителей рудника мы состязались с футболистами соседних шахт и поселков.

Последний раз мне пришлось быть на руднике в 1935 году когда я приезжал чтобы забрать свою мать к себе, в Ленинград.

Разрушения, которые были повсюду, привели [173] меня в грустное состояние. Нахлынули воспоминания детства. Мне захотелось встретиться с кем-нибудь из прежних своих знакомых, я начал спрашивать

столпившихся вокруг наших машин ребят, назвал одну фамилию, другую... Никого знакомых не было. Война разбросала старых моих друзей — одни воевали, другие эвакуировались, третьи вообще неизвестно где находились.

Вдоволь насмотревшись на развалины, с болью в душе я покинул свой родной рудник. Предстоял большой и длинный путь через Щербиновку — Константиновку — Артемовск — Никитовку и Дебальцево. Нам надо было осмотреть местные сооружения связи. Водитель машины Федя Юдин, с которым мы ездили с 1939 года, заметив мое задумчивое состояние и, видимо, желая отвлечь меня от грустных мыслей, применил наивную хитрость.

— Иван Терентьевич, — сказал он, — я никогда не видел ртути, кроме как в градусниках, не знаю, как ее добывают. Расскажите о руднике, вы ведь, наверное, знаете, раз выросли здесь.

Я начал рассказывать все, что осталось в памяти.

На руднике добывали ртуть, иногда ее называли живым серебром. Это тяжелый, красивый, но очень коварный металл. Его применяют в технике и сельском хозяйстве, в лабораторных приборах и медицине, используют для изготовления взрывчатых веществ, точно не знаю, но, по-видимому, и для многих других целей.

Рудником мы считали не очень глубокую шахту и маленький, примитивный завод. Механическая мастерская, вспомогательные службы, поселок, где жили администрация, служащие и рабочие, — все это было рудником. Теперь все это называется Ртутным комбинатом.

До революции рабочие жили в землянках, хотя это и не совсем точное название, так как это не были жилища в земле. Но один из кварталов поселка назывался «черные землянки». По-видимому, это название осталось от прошлого, когда рабочие жили [174] в настоящих землянках. Но и те «не настоящие», в которых жили рабочие рудника, мало чем отличались от настоящих. Низенькие, с маленькими окнами домики были рассчитаны на две семьи. Каждая такая «квартира» состояла из одной комнаты площадью 12–15 метров. Это была столовая и кухня, спальня и все, что угодно, без всяких удобств. В них нередко жили семьи по 5–6 человек. Других квартир для рабочих не было. Часть рабочих жила артелями и размещалась в бараках, там было еще хуже.

Перед первой мировой войной на руднике было построено 5–6 домов, по 4 двухкомнатные квартиры в каждом. Они предназначались для мастеров, десятников, начальников цехов и наиболее квалифицированных рабочих. Обособленно расположились дома для служащих, где селились

счетоводы, конторщики, учителя, полицейские, так сказать, местная аристократия.

Совсем по-другому жила администрация. Управляющий рудником со своей женой и маленьким сыном занимал большой двухэтажный дом. Главный инженер и главный бухгалтер жили в отдельных домах, в которых было по 8–10 комнат. Дома эти окружали большие парки с прудом, теннисными площадками.

Рудник, или как он тогда назывался «Ртутное и Угольное дело акционерного общества Ауэрбах», принадлежал известному в России золотопромышленнику Ауэрбаху.

Никаких культурных учреждений на руднике не было. В школе, правда, была небольшая библиотека, но ею пользовались мало; ребята старших классов, не закончив учебу, уходили работать, а взрослые рабочие в библиотеку просто не ходили. Зато на руднике была «казенка», где продавали водку.

Добыча руды производилась примитивно, вручную. О механизации этих тяжелых работ тогда не только не мечтали, но и не слышали. На ртутном производстве, очень вредном, не было тогда никаких [175] защитных приспособлений, если не считать деревенских ситцевых платков, которыми рабочие обвязывали лицо, чтобы закрыть рот и нос. Но это мало помогало. Вместе с пылью люди вдыхали в себя мельчайшие частицы ртути, многие отравлялись и рано умирали.

Вообще рабочий ртутного завода больше полугода подряд работать не мог, он тяжело заболел и вынужден был переходить на другую работу. Чаще всего такие рабочие уходили на ближайшую угольную шахту. Примерно через год-полтора некоторые из них снова возвращались на завод, там была более высокая зарплата. Те же, кто это делал в третий раз, неизбежно умирали. Средняя продолжительность жизни таких рабочих была не более 30 лет. Немало молодых, здоровых и краснощеких парней, приезжавших из деревень Орловской, Курской и других губерний Центральной России на заработки, после 6 месяцев работы на заводе уезжали домой изможденными и больными.

Мой отец, работавший на шахте и на заводе три роковых периода, тяжело заболел и умер в 30 лет. Мать не работала на ртутном производстве, а только стирала спецовки отца и его брата. Этого было достаточно, чтобы к 35 годам в результате ртутного отравления потерять все зубы. Мне также пришлось вкушать эти «прелести». Проработав на заводе всего лишь пять с половиной месяцев, я заболел. Мои зубы и десны были в таком состоянии, в каком они находятся у людей, долго болеющих цингой.

Мы ехали в Дебальцево, и я рассказывал Феде о прошлом. Почему-то вспомнились юность, комсомольская работа, которая также протекала на этом руднике, после того как я вернулся из армии.

Комсомольская организация нашего рудника была небольшой, хотя молодежи у нас было предостаточно. Я объясняю это тем, что до сознания многих молодых людей тогда еще не доходило значение и роль коммунистического союза молодежи. Сказывалось также влияние консервативно настроенных родителей, особенно матерей. На рост комсомола [176] влиял и строгий отбор, большие требования при приеме. Каждого парня или девушку, подавших заявление в комсомол, очень тщательно и, я бы сказал, придирчиво обсуждали на собрании.

Может быть, благодаря такому строгому отбору и высокой требовательности к вступающим комсомольская организация рудника была спаянной и дружной, деятельной и боевитой. Комсомольцы трудились на производстве, упорно учились политграмоте, по ночам с оружием дежурили в клубе в ожидании возможного нападения кулацких банд, орудовавших недалеко от рудника, помогали милиции бороться с самогонщиками, активно участвовали в самодеятельности, занимались многими другими делами. Комсомолу до всего было дело. Много делалось по собственной инициативе, а еще больше по поручению партийной организации. Но все, что делалось, делалось дружно, с подъемом и энтузиазмом. Все мы брали пример со старших, прежде всего с коммунистов, среди которых у нас было немало бывших подпольщиков, закаленных большевиков. Да и жизнь, прямо скажу, нелегкая жизнь, учила нас многому.

Может быть, я отвлекаюсь от затронутой темы, но мне очень хочется рассказать о небольшом событии, которое осталось в моей памяти. Мне кажется, что оно отражает особенности того времени.

Не знаю, какими судьбами в суровую зиму 1921 года на нашем руднике оказалась очень хорошая театральная труппа. Она приехала в железнодорожных вагонах прямо на рудник. Не помню уже точно, был ли это МХАТ или Малый театр, но это была очень хорошая московская труппа, которая, это уже точно, ставила несколько пьес Островского. В маленьком зале нашего клуба, в отличие от больших, очень хорошо смотрится игра актеров. А так как это были незаурядные артисты, многие зрители, увидев во время спектакля слезы актрис, навзрыд плакали вместе с ними.

Когда закончились плановые гастроли труппы и артисты должны были уехать, рабочие решили [177] схитрить. Была зима. Подъездные пути к руднику от станции Никитовка были занесены снегом. И вот для того, чтобы задержать артистов, организовали работы по расчистке снега таким образом, чтобы посмотреть еще три дополнительных спектакля. Наверно, это было

эгоистично по отношению к гастролировавшим артистам, но чего не сделаешь во имя искусства.

Билеты на спектакли не продавались, они были бесплатными, У входа в зал стоял необычный контролер, один из ведущих артистов приехавшей труппы, и вместо билета просил показать руки ладонями вверх: есть мозоли, значит, рабочий — проходи, нет — в зал не пропускается. Не знаю, правильно ли поступили организаторы этих спектаклей с точки зрения сегодняшнего дня, наверно неправильно, но тогда это очень понравилось всем рабочим. Они увидели в этом признание своего труда, уважение к рабочему классу. Всех артистов благодарные рабочие чуть ли не на руках доставили на станцию Никитовку.

Как член бюро райкома комсомола я довольно часто вместе с нашим секретарем Максимом Тельным ездил в Бахмут, нынешний Артемовск. Там тогда находились Донецкий губком и Бахмутский уездный комитет комсомола. Это было совсем недалеко от нас, километров 25, не более.

Поезд прибывал в Бахмут рано утром, задолго до начала работы в учреждениях. Поэтому мы прямо с вокзала отправлялись в комсомольскую коммуны, в которой состояли все ребята, работавшие в губкоме и укоме. Все они жили в одной общежитии, коллективно питались. Отношения между ними были самые товарищеские. Вот в эту коммуны мы и приходили, как к себе домой. Коммунары еще спали, умаявшись на работе, а мы бесцеремонно шумели в их комнатах. Без всякого стеснения читали висевшие над их кроватями записки-обязательства. Среди них были, например, такие: «Я больше не курю», «Каждый день занимаюсь физкультурой» и другие. [178]

В то время секретарем нашего уездного комитета комсомола был Яша Розенберг — умный, деловой и авторитетный парень, настоящий комсомольский вожак. Впоследствии мы встречались с ним в Одессе, где он был секретарем окружкома комсомола. Вскоре после этого Розенберг работал в ЦК комсомола в Москве. Это было в то время, когда первым секретарем ЦК комсомола был А. Мильчаков, замечательный человек и прекрасный организатор, с которым мне пришлось встретиться во время комсомольской конференции в Одессе.

Надо прямо сказать, что все эти внезапные посещения комсомольской коммуны, конечно, в какой-то степени нарушали нормальный ритм жизни, быта и работы губкомовцев и укомовцев. Но в то интересное время к подобным вещам относились как-то просто, не видели в них ничего предосудительного, и это была одна из особенностей работы тогдашних комсомольских организаций.

Однако я увлекся воспоминаниями о далеком прошлом. А на донецкой земле продолжались ожесточенные бои.

8 сентября был освобожден центр Донбасса — город Сталино (Донец), а через неделю-две фашистские оккупанты были изгнаны со всей остальной территории Донбасса.

АНТОНОВ, Владимир Семенович

ПУТЬ К БЕРЛИНУ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Антонов В. С. Путь к Берлину. — М.: Наука, 1975.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/antonov_vs/index.html

Книга одним файлом: http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/antonov_vs.rar

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/antonov_vs/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Антонов В. С. Путь к Берлину. — М.: Наука, 1975. — 378 с. Тираж 50000 экз.

Аннотация: На западной границе СССР утром 22 июня 1941 года я стал участником великой битвы Советской Армии с фашистскими агрессорами. Затем познал горечь отступления. Последний день войны — 8 мая 1945 года — встретил в центре Берлина, склонившего белые флаги капитуляции перед победителями. Но до этого надо было пройти большой путь сражений — от предгорий Северного Кавказа до Берлина. Я пережил вместе с другими советскими воинами самое тяжелое чувство утраты боевых товарищей на поле боя. Познал вкус и сладкого слова «Победа!» В грозную годину войны на моих глазах совершался исторический подвиг советского народа, сокрушившего самого сильного врага. На основе

увиденного и пережитого я и попытался в этой книге рассказать, как ковалась наша победа и почему мы победили. — (Автор)

ШТУРМ МАКЕЕВКИ

Отразив все контратаки, дивизия продолжила наступление, по-прежнему оставаясь на острие главного удара армии. И на других участках не выдержала натиска наших войск вторая линия хваленного гитлеровского «Миус-фронта». 320-я стрелковая дивизия совместно с 34-й и 40-й гвардейскими стрелковыми дивизиями соседнего 31-го стрелкового корпуса освободили Енакиево. Южнее нас 3-й гвардейский стрелковый корпус освободил Иловайск. Так же успешно наступала и правифланговая 51-я армия: освободила крупные населенные пункты: Дебальцево, Горловку, Никитовку. А южное крыло фронта — 2-я гвардейская, 28-я армия, 44-я армия — с упорными боями продвигались к реке Кальмиус.

Василевский А. М. Дело всей жизни. - 3-е изд. - М., Политиздат, 1978. - 552 с.; ил., карты.

... «Верховный Главнокомандующий одобрил наши предложения, кроме вывода в резерв 8-й

гвардейской армии Чуйкова. 4 сентября я отправился в 3-ю гвардейскую армию.

Выяснилось, что вот уже сутки, как начальник штаба армии генерал-майор Г. И.

Хетагуров не знал, где находится командарм. Лишь в ночь на 5 сентября Дмитрий

Данилович появился на своем командном пункте в Мирной Долине. Оказалось, он

сформировал подвижной отряд, используя для него трофейные автомашины, часть

танков 243-го танкового полка и 293-й стрелковый полк успешно наступавшей 259-й

стрелковой дивизии, и лично повел его в бой. Не без участия передовых частей

51-й армии соседнего Южного фронта отряд разгромил гитлеровцев возле Никитовки,

захватив город, большие трофеи, Лелюшенко затем оказал помощь войскам Южного

фронта в борьбе за Горловку, расположенную далеко за , пределами полосы,

установленной для его армии, причем Горловка, по-видимому, и без того была бы

взята войсками 51-й армии. Его же собственная армия сумела решить задачу по

взятию Артемовска вместо 4-го лишь 5 сентября. Пришлось указать Д. Д. Лелюшенко,

что инициатива - дело похвальное, когда она не в ущерб организованности при

выполнении собственной задачи»...

ЛЕЛЮШЕНКО, Дмитрий Данилович

МОСКВА-СТАЛИНГРАД-БЕРЛИН-ПРАГА.

ЗАПИСКИ КОМАНДАРМА

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Лелюшенко Д.Д.* Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Записки командарма. — М.: Наука 1987.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/lelyushenko_dd/index.html

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/lelyushenko_dd/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: [Ноахер \(hoaxer@mail.ru\)](mailto:hoaxer@mail.ru)

Аннотация издательства: Дважды Герой Советского Союза, Герой Чехословацкой Социалистической Республики, кандидат военных наук генерал армии Дмитрий Данилович Лелюшенко, во время Великой Отечественной войны командовавший общевойсковыми и танковой армиями, в своей книге обобщает опыт, накопленный и боях в сражениях. Автору довелось быть участником таких крупных операций, как битва под Москвой, контрнаступление под Сталинградом, освобождение Донбасса, Правобережной Украины и ее западных областей, форсирование Днепра, Вислы, Одера, битва за Берлин и освобождение Праги. Прорыв оборонительных рубежей противника, ввод в прорыв танковых и механизированных корпусов и армий, массированные удары, стремительные действия в глубине обороны врага со значительным отрывом от общевойсковых соединений, форсирование водных преград, как правило, с ходу, внезапные наступательные действия ночью, оперативное взаимодействие с общевойсковыми соединениями и авиацией — таков далеко не полный перечень вопросов, которые освещает автор. В книге немало волнующих рассказов о массовом героизме наших воинов, ярких картин боевых эпизодов. С большой теплотой вспоминает автор воевавших рядом с ним бойцов, командиров, добровольцев — москвичей, сибиряков, уральцев и других воинов. Читатель познакомится не только с боевой практикой видного советского военачальника, но и с

теоретическими вопросами, которые он рассматривает, базируясь на своем боевом опыте.

.. «4 сентября наступление продолжалось в нарастающем темпе.

259-я стрелковая дивизия полковника А. М. Власенко, используя трофейные машины и тягачи, в чем проявил инициативу начальник штаба дивизии В. А. Поздняков, при поддержке боевых машин 243-го танкового полка В. А. Подлесного буквально на плечах врага ворвалась на северную окраину Никитовки, разгромила более полка пехоты и захватила 25 орудий и минометов. А 5 сентября она же во взаимодействии с частями Южного фронта освободила Горловку и к вечеру ворвалась в Артемовск. Это был невиданный для пехоты темп.

Наиболее стремительно действовал при освобождении Горловки 939-й стрелковый полк под командованием подполковника П. В. Ренгача. Обнаружив противника, он без промедления развернул полк, артиллерия ударила прямой наводкой, пехота стремительно пошла в атаку, и враг был смят. Когда командир полка представлял к награде отличившихся, мне запомнился лихой боец — комсорг 1-го батальона В. Тарадайко {146}. Настоятельно поддержал ходатайство о награждении этого бойца и командир дивизии Власенко. Их представление было удовлетворено.

5 сентября 1943 г. 266-я стрелковая дивизия во взаимодействии с 259-й разгромила сильную группировку противника и освободила Артемовск — один из крупных городов Донбасса.»...

Исторические заметки о 351 гвардейском парашютно-десантном полку

Вадим Селеменев

.. «Осенью 1943 года сложилась благоприятная ситуация для использования ВДВ в наступательных операциях РККА. Началось освобождение Украины, войска подходили к Днепру. Общий замысел использования ВДВ в предстоящей операции сводился к высадке в Крыму гвардейских воздушно-десантных бригад, которые должны были воспрепятствовать перегруппировке войск противника при начале прорыва Крымского перешейка частями сухопутных войск Красной Армии.

В сентябре 1943 года в Подмосковье по тревоге были подняты 4, 6 и 7 гвардейские воздушно-десантные бригады. Они придавались в оперативное подчинение Южному фронту. Была произведена переукладка парашютов, а также укладка грузов в парашютно-десантные мягкие мешки. После этого части бригад были передислоцированы по железной дороге в районы аэродромов посадки. Как вспоминают очевидцы «Поезд вёз нас на всех парах, везде нам была дана зелёная улица. Остановки были только для смены бригады, заправки водой и топливом локомотивов. Этого времени было недостаточно, чтобы покормить нас горячей пищей, поэтому каждому выдали сухие пайки, и они нас выручили. Ели концентраты рисовой и гречневой каши, гороха, были колбасные консервы и галеты, а воды почти не было, так как не успевали её набирать»¹.

... « в сентябре 1943 года 4, 6 и 7 гвардейские воздушно-десантные бригады были сведены в сводный корпус под руководством командующего ВДВ Красной Армии генерал-майора Капитохина А. Г. и находились в оперативном подчинении Южного фронта.

4 гв. вдбр прибыла в город Горловка Донецкой области, на аэродроме в селе Михайловка.

6 гв. вдбр находилась в Ворошиловградской (Луганской) области.

7 гв. вдбр поднятая по тревоге 18 сентября была передислоцирована в район аэродромного узла города Ростов-на-Дону и начала подготовку для десантирования и ведения боевых действий в тылу противника. Проверялись боевая выучка десантников, способность командиров и штабов

организовывать подготовку и десантирование личного состава, вооружения и материальных запасов в тыл противника, управлять подразделениями в ходе выполнения ими боевых задач. Проверки показали, что 7 гв. вдбр готова к десантированию и боевым действиям в тылу противника».

Ильин, Николай Григорьевич, Рулин Виктор Петрович

ГВАРДЕЙЦЫ В ВОЗДУХЕ.

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Ильин Н.Г., Рулин В.П.* Гвардейцы в воздухе. — М.; ДОСААФ, 1973.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/iljin_ng/index.html

OCR, правка: Андриянов Петр (assaur1@rambler.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Ильин Н.Г., Рулин В.П. **Гвардейцы в воздухе.** — М.; ДОСААФ, 1973. — 271 с. (Военные мемуары).

Аннотация издательства: Авторы книги «Гвардейцы в воздухе» полковник-инженер Ильин Н. Г. и подполковник в отставке Рулин В. П. вместе с полком прошли весь его боевой путь с первого до последнего дня войны. Они принимали активное участие в боевых действиях полка на Западном, Калининском, Юго-Западном, 3-м и 1-м Украинских фронтах. После войны В. П. Рулин демобилизовался, а Н. Г. Ильин продолжает служить в рядах Советской Армии, является кандидатом исторических наук. Авторы выражают сердечную признательность за советы и помощь в работе над книгой боевым товарищам: И. П. Лавейкину, В. И. Попкову, Н. М. Калашникову, П. Т. Вакулину, Н. А. Шардакову и другим.

Жарко было в сентябрьские дни в степях под Харьковом. Шли жестокие бои на дорогах Донбасса. Южному и Юго-Западному фронтам Ставка поставила задачу: скорее завершить освобождение Донецкого угольного бассейна, развивать наступление на Запорожском и Мелитопольском направлениях, овладеть городами Сталино, Макеевка, Горловка, где на сравнительно небольшой площади сосредоточены крупнейшие шахты и металлургические заводы. Не выпустить отсюда фашистские войска и не дать им возможности привести в исполнение свои намерения по взрыву доменных и мартеновских печей, по затоплению шахт, не позволить вывезти награбленное добро и угнать в рабство местное население.

На наш участок фронта прибыли новые эскадры врага. Немецкая авиация заметно активизировалась.

Как-то полк получил особое задание. Истребители должны были разыскать и нанести удар по железнодорожному составу, но не по обычному, а состоящему всего из паровоза, крытого вагона и двух-трех платформ.

Дело в том, что удирая из Донбасса и не надеясь более вернуться туда, фашисты, чтобы замедлить продвижение наших войск, вслед за собой начали разрушать железнодорожные пути специальными путеразрушителями. Тацит паровоз крытый вагон для обслуживающего состава, одну-две платформы с взрывчаткой и приспособлениями для разрушения деревянных шпал. Через определенное расстояние фашистские солдаты подрывали как раз посередине один за другим рельсы, а приспособлением ломали толстые деревянные шпалы. Пройдет такой путеразрушитель, а за ним — лишь остатки взорванных надвое рельс да вздыбленные изломами кверху шпалы. Тут уж ничего из остатков не соберешь. Нужно сначала очистить насыпь от обломков рельс и шпал, а затем заново настилать железнодорожное полотно. [156]

Днем фашисты обычно старались замаскировать путеразрушители на станциях среди других составов. А под вечер, в плохую погоду и днем, появлялись.

Уничтожение путеразрушителей было поручено нашим истребителям. Первую шестерку возглавил Владимир Ивашкевич, вторую — Сытов. Из воздушной армии в полк доставили фотоснимки с изображением самих путеразрушителей и результатов их «работы». Летчики внимательно всматривались в изобретение фашистов, прикидывали как его обезвредить.

Зайцев предупредил, что задача ответственная, командование фронта особо заинтересовано в ее выполнении. Нужно спасти наши основные железнодорожные магистрали юга от разрушений.

Шестерка за шестеркой Ла-5, каждый из которых был нагружен двумя «полусотками», отправились на охоту.

Летчики осмотрели с высоты одну за другой все указанные в задании железнодорожные станции, их основные стальные пути и, особенно, ответвления и тупики. Первым цель обнаружил Сытов со своей группой. Они настигли ее на небольшой станции, сброшенными бомбами разрушили входные стрелки.

В это время вторая пара группы Макаренко и Потехин, уложили свои «полусотки» метрах в восьмидесяти за составом. Теперь фашистам ни

вперед, ни назад не продвинуться, пути разрушены и тут и там. Цель стала неподвижной, что намного облегчило ее атаку. Тут же пара спикировала на состав и удачно сбросила свои бомбы рядом с платформами. Взрывом их снесло с колес, перевернуло и отбросило в сторону. Паровоз накренился, уткнувшись в насыпь. Наша шестерка почти в упор стала расстреливать его, изрешетила пушечными снарядами водоналивной бак и паровозную топку, а затем для достоверности сфотографировала.

Вылетела группа Виталия Попкова. Задание — прикрывать наземные войска. Истребители барражировали над передовой. Прошло десять минут, двадцать. Вражеских самолетов не было видно, и гвардейцы решили, что вылет их обойдется без воздушного боя.

Тут внимание ведущего привлекли облака пыли.

Истребители углубились на территорию противника. Попков заметил, как из лесу на дорогу выходила танковая колонна. [157]

— Танки, танки противника идут к линии фронта, — передал ведущий по радио. Наземная станция наведения попросила передать точное направление. Оставив всю группу истребителей на высоте, Попков своим пикированием в сторону колонны танков показал ее направление. Обстрелял из пушек.

Наши артиллеристы открыли огонь. Первый залп лег правее на сто пятьдесят метров. Летчики с воздуха немедленно сообщили об этом артиллеристам. Следующий залп зажег фашистский танк. Огонь открыли другие батареи. Загорелось четыре танка, потом еще три. Позже подоспели грозные штурмовики. Потеряв много машин, немцы отошли назад. Танковая атака врага сорвалась.

8 сентября, в день освобождения Донецкого бассейна от немецко-фашистских захватчиков, голос диктора принес по радио радостную весть:

«...За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда гвардии лейтенантам Попкову В. И., Сытову И. Н., гвардии старшему лейтенанту Шардакову И. А.».

Командир смешанного авиационного корпуса по этому случаю прислал в полк телефонограмму:

«Поздравляю вас с увеличением семьи Героев и желаю дальнейших успехов в боевой работе до полного разгрома фашистских варваров.»

Смерть немецким оккупантам!

Командир 1-го гвардейского САК генерал-майор авиации Аладинский»

ЕВДОКИМОВ, Григорий Петрович

300 ВЫЛЕТОВ ЗА ЛИНИЮ ФРОНТА

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Евдокимов Г. П.* 300 вылетов за линию фронта. — Ижевск: Удмуртия, 1979.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/evdokimov_gp/index.html

Книга одним

файлом: http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/evdokimov_gp.rar

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/evdokimov_gp/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Евдокимов Г. П. **300 вылетов за линию фронта.** — Ижевск: Удмуртия, 1979. — 188 с. Тираж 15000 экз.

Аннотация издательства: Записки штурмана бомбардировочной авиации о боевых действиях летчиков-однополчан 449 БАП в годы Великой Отечественной войны, об их мужестве и героизме, высоком боевом мастерстве, самоотверженной борьбе с немецкими захватчиками в воздушных боях.

Первый бомбовый удар на самолетах нового типа полк нанес по железнодорожному узлу Горловка. Станцию противник прикрывал плотным огнем зенитной артиллерии, как, впрочем, и весь район Донбасса, и мощным заслоном истребительной авиации.

Чтобы обезопасить себя от огня малокалиберной зенитной артиллерии и пулеметов, мы, не имея на борту кислородных приборов, забрались на высоту 6000 метров. От недостатка кислорода было трудно дышать, стучало в висках. Первым не выдержал такой высоты летчик В. С. Пышный. На миг он потерял сознание. Самолет завалился в глубокий крен и стремительно начал падать. На высоте 3000 метров летчик пришел в себя и вывел самолет

в горизонтальный полет. Вскоре он догнал группу, но высоту пришлось снизить до 5000 метров.

Обрушив бомбовый груз на скопление эшелонов, группа, маневрируя, легла на обратный курс. В районе Дебальцево — Артемовск были атакованы шестью истребителями противника. Однако мощное стрелковое вооружение наших самолетов держало их на почтительном расстоянии. Сделав две безуспешные атаки, они отстали. Нам было ясно: Московская и Сталинградская битвы научили их больше заботиться о собственной шкуре, нежели об атаке, как это было в начале войны.

Первым полетом были удовлетворены вполне: по снимкам дешифровщики установили, что мы уничтожили[70] несколько эшелонов. При этом группа вернулась без потерь. Помнятся мне и успешные налеты на аэродром Щегловка (около города Сталино, ныне Донецк). Поскольку аэродром был в 150 километрах от линии фронта, немцы считали его недосягаемым для нашей фронтовой авиации, тем более, что, прежде чем достигнуть его, нужно было преодолеть ряд мощных узлов сопротивления, снабженных средствами противовоздушной обороны. Поэтому на данном аэродроме они сосредоточили множество разнотипных самолетов.

КАРДАНОВ, Кубати Локманович

ПОЛЕТ К ПОБЕДЕ.

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ЛЕТЧИКА

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Карданов К. Л.* Полет к Победе. — Нальчик: Эльбрус, 1985.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/kardanov_kl/index.html

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/kardanov_kl/ill.html

OCR: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru), sdh (glh2003@rambler.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Карданов К. Л. Полет к Победе. Записки военного летчика. — Нальчик: Эльбрус, 1985. — 280 с., ил. Тираж 5000 экз.

Аннотация издательства: Герой Советского Союза генерал-майор авиации в отставке Кубати Локманович Карданов в своей книге рассказывает о боевом пути 88-го Новороссийского истребительного авиационного полка в период Великой Отечественной войны, о товарищах по оружию, совместно с которыми громил врага на земле и в небе Украины, Северного Кавказа, Белоруссии, Польши и Германии.

Командованию стало известно, что на железнодорожной станции Горловка гитлеровцы разгрузили эшелон танков. Необходимо было выяснить, куда и в каком направлении перебросил их противник. За день мы ничего не нашли. В конце дня последним вылетел лейтенант В. А. Колесник в паре с сержантом П. М. Лазюкой. Только перелетели линию фронта — попали в сильный снегопад. Ведущий дал команду Лазюке ближе подойти к нему и не отрываться, а сам все внимание сосредоточил на том, чтобы не заблудиться, и в то же время держал в поле зрения лежащую под ним местность. Низкие облака и снегопад резко ограничили горизонтальную видимость, только непосредственно вблизи себя можно было разглядеть предметы.

Облетели намеченный маршрут, но ничего не обнаружили. [96] Время позднее, уже стемнело и горючего тоже маловато осталось. Пора возвращаться домой. Пролетели город Дебальцево, оказались над лесной опушкой. «Вроде здесь уже были», — думает Колесник. В это время сержант Лазюка прибавил газу, вышел вперед и показал: справа по борту — костер.

Ведущий развернулся и начал тщательно, на самой малой высоте, облетывать лесной массив. В нем обнаружили несколько небольших костров. Очевидно, надеясь, что снегопад и низкие облака надежно маскируют их, немецкие танкисты решили погреться у огня.

При первом появлении наших самолетов вражеские зенитные средства молчали. При повторном — у гитлеровцев нервы не выдержали, и они начали интенсивно обстреливать летчиков. Так Колесник и Лазюка обнаружили «пропавшие» танки противника.

Посадку произвели на пределе горючего. После доклада об обнаружении танков противника и о том, какую находчивость проявил в разведке Лазюка, комиссар полка Потасьев крепко обнял обоих летчиков. Командир полка объявил им благодарность за отличную разведку,

представил Колесника к правительственной награде, а сержанта Лазюку к внеочередному воинскому званию лейтенанта...

Несмотря на сильные морозы и частые заносы, летчики неослабно вели боевую работу. По указанию командования армии мы переключились на уничтожение подвижных средств — паровозов и железнодорожных составов, автомобильного и гужевого транспорта на дорогах в прифронтовой полосе. Постоянно держали под неослабным наблюдением дороги и железнодорожные станции городов Горловка, Макеевка, Краматорск, Дебальцево, Константиновская, Красный Луч, Харцызск, Сталино (Донецк), Иловайская и других. При обнаружении подвижного состава немедленно наносили штурмовой удар.

ЕФРЕМОВ, Василий Сергеевич

ЭСКАДРИЛЬИ ЛЕТЯТ ЗА ГОРИЗОНТ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Ефремов В. С. Эскадрильи летят за горизонт.* — М.: Воениздат, 1984.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/efremov_vs/index.html

Книга одним файлом: http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/efremov_vs.rar

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/efremov_vs/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Ефремов В. С. Эскадрильи летят за горизонт. — М.: Воениздат, 1984. — 160 с. — (Военные мемуары). / Литературная запись *А. М. Хорунжего* // Тираж 65000 экз.

Аннотация издательства: Автор — известный летчик-бомбардировщик — более трех лет воевал в 33-м (впоследствии 10-й гвардейский Киевский Краснознаменный, ордена Суворова II степени) авиационном бомбардировочном полку в качестве командира звена, а затем эскадрильи. За успешное выполнение заданий командования был дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза. В воспоминаниях обрисованы многие боевые товарищи автора, хорошо показаны процесс совершенствования их летного мастерства, самоотверженность в боях и верность в дружбе.

5 июля 1943 года началась битва под Курском. Там развернулись события, которые заставили на время забыть обо всем другом. Немецко-фашистские войска перешли в наступление, чтобы срезать Курский выступ

и открыть дорогу своим бронетанковым частям и соединениям к стратегически важным центрам Советского Союза.

Мы знали, что сил и средств у нашей армии было достаточно, чтобы отразить любой удар врага. Но на войне, как известно, возможны всякие неожиданности. А потому все мы [114] тревожились за судьбу своих войск, сражавшихся на Курской дуге...

Дивизия Чучева в соответствии с планами 8-й воздушной армии продолжала активно действовать в Донбассе, нанося бомбовые удары по железнодорожным узлам, двигавшимся эшелонам, по переправам и аэродромам противника.

Наш 10-й гвардейский авиаполк продолжал наносить групповые удары по заданным целям в районах Сталино, Харцызск, Иловайская, Кутейниково, Волноваха, Горловка, Запорожье, Пологи, Таганрог. При этом мы нередко действовали не только днем, но и ночью. Так, например, в течение двух ночей мы непрерывно бомбили железнодорожный узел Горловка, через который гитлеровцы в разных направлениях перебрасывали резервы.

В перерывах между вылетами экипажи спали вповалку на земле, сбившись в кружок. Мы так уставали, летая почти без передышки днем и ночью, что перестали реагировать даже на взрывы бомб. Но стоило только технику подойти к своему летчику и сказать: «Самолет готов к вылету!» — как командир тут же вскакивал, расталкивал штурмана и радиста, и через пять-шесть минут все находились уже в воздухе.

Так было и в ту ночь, о которой хочу рассказать. Находясь в полусне, я интуитивно чувствовал, что самолет еще не подготовлен к вылету, что вставать пока рано, но кто-то упорно тормозил меня.

— Вас вызывает командир дивизии, — доложил дежурный по полетам.

На КП я увидел полковника Чучева, Горшунова, Козьявина, штурмана полка Ильяшенко и начальника связи лейтенанта Лазуренко. Доложил комдиву о своем прибытии.

— Слетаем с тобой на станцию Горловка. Хочу посмотреть, как вы ее обработали.

— В паре? — спросил я, еще как следует не проснувшись.

Кто-то засмеялся.

— Нет, я полечу в кабине стрелка-радиста, — ответил Чучев.

— Аэродром готов выпустить вас, — заверил Горшунов. — Экипаж Бочина пойдет первым и осветит цель, а вы, Ефремов, посмотрите с командиром дивизии, что делается на узле Горловка, и потом отбомбитесь.

Взлетели, когда только начало светать. Западная сторона небосклона тонула в густой дымке. Не видно было ни[115] горизонта, ни земли. Самолет словно плыл в молоке. Штурман Ильяшенко несколько раз вносил поправки в курс.

— Парадокс какой-то, — ни к кому не обращаясь, произнес он. — Рассвет, а видимости никакой.

— Смотри влево! — передал я, заметив вдалеке цепочку светящихся авиабомб.

Мы точно вышли на станцию. Цель была хорошо освещена. Внизу виднелись разрушенное здание вокзала, сожженные перевернутые вагоны, покореженные пути. Кое-где еще горели привокзальные склады. Я сделал пологий вираж над станцией, чтобы дать возможность командиру дивизии осмотреть объект.

На востоке было светло как днем. Уже показался багровый край солнечного диска.

— Василий, нужно торопиться, могут напасть истребители, — сказал Ильяшенко.

Не мешкая, мы сбросили бомбы, и я опустился ниже, чтобы прикрыться утренней дымкой.

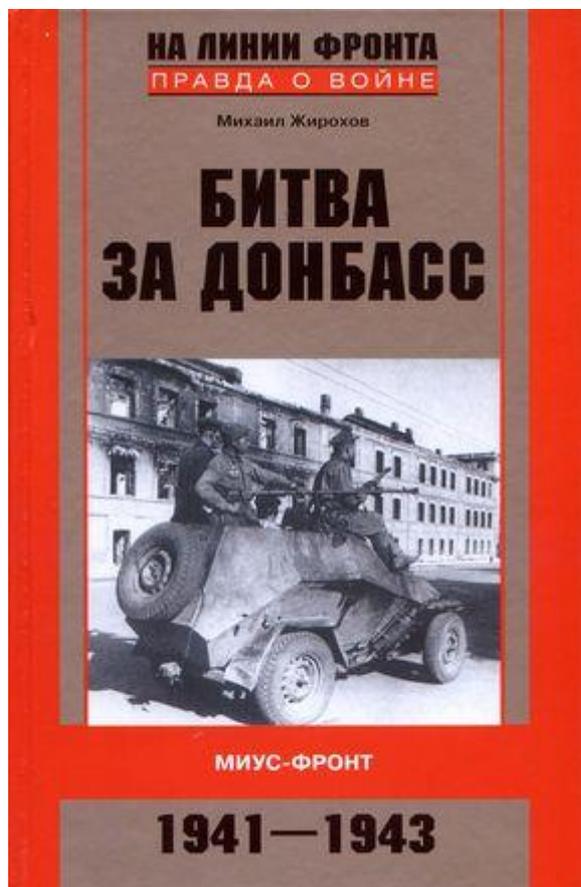
На аэродроме Чучев сказал командиру полка, что доволен работой наших летчиков и это будет отмечено в приказе по дивизии.

— Когда все увидишь собственными глазами, — признался комдив, — уверенней будешь докладывать командующему армией. Продолжайте бомбить с таким же успехом. Пока идет Курская битва, мы должны сковать действия противника здесь, на юге. Если не дадим ему перебрасывать резервы, это будет крепкая поддержка для соседей... Кстати, каждую ли ночь вам приходится летать при такой плохой видимости? — спросил после паузы Чучев.

— Да, товарищ полковник. Видимость нередко такая, если еще не хуже, — ответил я.

— Сложная у вас работа, товарищи, — оглядел Чучев окружающих. — Но очень нужная. Задача у нас одна: ни минуты передышки врагу. На

курском направлении идут ожесточенные бои. Противник остановлен. И если в ближайшее время он не получит достаточных подкреплений, будет разгромлен наголову...

Михаил Александрович Жирохов

Сражение за Донбасс

Миус-фронт

1941—1943

Продолжая наступление в западном направлении, войска 51-й армии 8 сентября овладели несколькими крупными населенными пунктами южнее Красноармейска. Тогда же сюда с северо-востока нанесли удар соединения Юго-Западного фронта, во многом содействовавшие продвижению 51-й армии. Заняв район южнее Красноармейска, ее части перерезали в нескольких местах железную дорогу Красноармейск — Сталино.

Разгром противника в районе Дебальцева войсками 51-й армии и успешные действия их севернее и северо-западнее Горловки в значительной мере способствовали 5-й ударной армии в преодолении сопротивления врага на рубеже Горловка — Макеевка — Сталино. Бои здесь носили особенно напряженный характер. Противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь, бросался в контратаки, создавал минные заграждения на дорогах и в населенных пунктах. На ближних подступах к крупным городам были подготовлены противотанковые рвы, установлены противотанковые железные ежи, проволочные заграждения. Все это, разумеется, значительно осложняло действия советских войск.

Части 126-й стрелковой дивизии под командованием полковника А. И. Казарцева и 271-й стрелковой дивизии полковника И. П. Говорова после удара с севера и юга вошли в Горловку и вскоре полностью очистили город от противника. Приказом Верховного главнокомандующего этим двум дивизиям было присвоено почетное наименование «Горловские».

А награждать было за что: мало того что операция по освобождению города была проведена в невероятно краткие сроки (на центральные улицы наши войска ворвались приблизительно в 12 часов дня, а в 19.00 271-я дивизия уже полностью овладела городом), — к тому же в результате ее были захвачены 59 вагонов военных грузов, батарея шестиствольных минометов, радиостанция, два склада горючего, автомашины, мотоциклы, тягачи. Бойцы дивизии участвовали в освобождении узников лагеря военнопленных. Об этом эпизоде в своих воспоминаниях пишет сержант А. Айвазянц: «Военнопленные выбегали навстречу на костылях, опираясь друг на друга. У некоторых еще молодых парней головы покрывала седина, будто им за пятьдесят. Мы... отдавали им хлеб, сухари, сахар».

Михаил ГУБАШ

ВТОРЖЕНИЕ

До самого Сталино (ныне Донецк) Итальянский экспедиционный корпус (ИЭК) двигался, растянувшись в длинную колонну, почти без боев. Достаточно сказать, что свои первые потери дивизия «Челере» понесла только под Сталино. После того как 1-я германская танковая дивизия заняла областной центр, Итальянский корпус получил указание двигаться по направлению Горловка – Никитовка – Трудовая. В Никитовке и Горловке итальянские дивизии столкнулись с сопротивлением арьергардов Красной Армии и партизанских отрядов. В Никитовке один итальянский полк даже

попал в окружение, потеряв на несколько дней связь с основными силами. Итальянский корпус понес относительно большие потери – около 150 человек убитыми и 700 ранеными. Об этом пишет Г.С.Филатов в своей книге «Восточный поход Муссолини», изданной в Москве в 1968 г.

14 ноября 1941 года Итальянский корпус окончательно остановился, ограничившись занятием населенного пункта Хацапетовка (ныне Углегорск) за Енакиево... Обратимся к воспоминаниям командира 80-го полка одной из дивизий ИЭК – полковника Кьяромонти, «прославившегося» оккупацией станции Никитовка и едва выбравшегося из этого, как оказалось, «осинового гнезда». Там его полк блокировали с одной стороны войска Красной Армии, а с другой – партизаны. Вскоре после «блистательной» кампании в Никитовке полковник уехал в Италию – у него что-то случилось с глазами. Недомогание командира полка полковника Кьяромонти не оказалось слишком серьезным, с сарказмом пишет Г.С.Филатов. Выйдя в отставку, Кьяромонти поселился в родной Сицилии и через двадцать лет после окончания войны выступил с рассказами о своих подвигах. Повествуя о бое в Никитовке, где четыре тысячи итальянцев под его командованием якобы успешно противостояли атакам двадцати тысяч русских, он описывает действия молодого пулеметчика, тоже сицилийца, не называя, правда, его фамилии. Рассказ этот похож на сагу вперемежку с фарсом и напоминает сюжет из телепередачи «Каламбур» под названием «Крутое пике». Посудите сами: по словам Кьяромонти, этот пулеметчик был дважды ранен, но оставался в строю. В третий раз осколок начисто оторвал ему правую руку выше локтя, однако, зажав спуск челюстями, солдат продолжал вести огонь до тех пор, пока от вибрации пулемета у него не вылетели все зубы. «Я лично собирал эти прекрасные белые зубы молодого южанина, рассыпанные вокруг треножника на снегу», – патетически заканчивает свое повествование генерал в отставке.

Более реалистическую версию Никитовской битвы описал командир 3-го берсальерского (снайперского) полка полковник Каретто, у которого не было досуга для придумывания своих подвигов в таких масштабах, как у Кьяромонти. Каретто погиб летом 1942 года на высоте 197 у берегов Дона. «В середине ноября генерал Мессе решил выровнять линию расположения своих дивизий, для чего необходимо было занять станцию Хацапетовку на линии Дебальцево – Малая Орловка. Операция была поручена дивизии «Торино», и во главе передовой колонны шел полковник Кьяромонти. Подойдя к станции Трудовая 7 декабря, Кьяромонти обнаружил, что силы русских превосходят его колонну, и решил отойти обратно к Никитовке. Здесь он и попал в окружение. Шесть дней части, которыми командовал Кьяромонти, провели в осаде. С первых дней он стал просить помощи у немцев, а не у собственного командования. Однако отчаянные призывы остались без ответа: немцы не двинулись со своих позиций» («Восточный поход Муссолини»).

В самом деле, чего бы этим макаронникам не сидеть возле печек? А если захотели пошляться по морозу, так и расхлебывайте сами свою кашу, – так, я думаю, рассудили немцы. «Лишь 13 декабря к Никитовке подошли итальянские части, в том числе берсальерский полк Каретто. Сильно поредевшей колонне Кьяромонти удалось уйти из Никитовки. Дивизия «Торино» понесла в этом бою серьезные потери – из ее состава выбыло почти полторы тысячи человек. Был убит заместитель командира дивизии генерал Де Каролис, неосмотрительно выскочивший из убежища во время артиллерийской перестрелки».

Командир полка Каретто, отличившийся в боях при выводе авангарда из Никитовки, был награжден военной медалью, его полк тоже наградили – золотой медалью. Главнокомандующего итальянским экспедиционным корпусом генерала Мессе Гитлер наградил Рыцарским орденом Железного Креста, а Муссолини – крестом «Савойского ордена». Полк Каретто посетили немецкие генералы во главе с фон Клейстом. Каретто писал жене: «Почти все газеты воспевают наши подвиги». Преувеличения фашистской пропаганды были непомерными. На этом фоне битва при Каннах между Римом и карфагенским полководцем Ганнибалом побледнела и обесцветилась, ее место заняла битва под Никитовкой.

О прибытии и пребывании в Горловке итальянцев сохранились свидетельства старожилов. В целом выглядят они довольно прозаически, хотя и без сенсаций не обошлось. В центр города итальянцы вошли строем с песней, как в открытый город. Пели так называемый маршевый гимн «Песня победы»:

Отправился, напевая, пехотинец-легионер,

Для всех молодых он луч и пример.

Империи быть! – Дуче приказал.

Весь мир итальянцам рукоплескал.

Вера в сердце, улыбка на устах,

Триколор трепещет, противник – в кустах.

Империя в Риме однажды была,

Потомки запомнят наши дела!

Только к победе, только вперед,

Веселой песней закончим поход.

Итальянцы расселились по домам, главным образом одноэтажным. Большие здания, такие как Дом Советов, главный гастроном, ресторан и т.п., не заселяли – сказывался «киевский синдром» (боялись взрывов мин замедленного действия, а вернее, радиоуправляемых зарядов, которые ошарашили немцев именно в Киеве). Оставшихся жителей не выгоняли, только притеснили: комната вам, комната нам.

Тут же началась торговля. За золото и серебро можно было купить продукты. И хотя сами итальянцы не были сытыми, тем не менее с их складов «уплывало» много ценных в то время товаров: сухари, мука, макароны, папиросы. Об этом мне подробно рассказывала одна спекулянтка. Многие хотели разбогатеть, а войну до поры до времени воспринимали как выгодный шоп-тур. Сочинили даже легкомысленную и беззаботную песенку: «Украина, прекрасная сеньора, зачем ты беспокоишь красавца гренадера? Готов и так тебя он полюбить... О Украина, тебя нам не забыть...» (по рассказу С.П.Сенченко).

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Перейду к событиям, связанным с освобождением Горловки, и к тому, что говорили об этом знаменитые военачальники и никому не известные мои знакомые, которые уже «ушли за горизонт», – ибо много времени утекло с момента тех событий.

В пору освобождения Донбасса Маршал Советского Союза Василевский Александр Михайлович был представителем Ставки Верховного Главнокомандующего и координатором действий Юго-Западного и Южного фронтов. Тех формирований, которые находились вблизи Горловки. В книге «Дело всей жизни» он пишет: «4-го сентября я отправился в 3-ю гвардейскую армию. Выяснилось, что вот уже сутки (т.е. с утра 3-го сентября) начальник штаба армии генерал Хетагуров не знал, где находится командарм (Д.Д.Лелюшенко). Только в ночь на 5-е сентября Дмитрий Данилович появился на своем командном пункте в Мирной Долине. Выяснилось, он сформировал подвижный отряд, использовав для него трофейные автомобили, часть танков 243-го танкового полка и 293-й стрелковый полк 259-й стрелковой дивизии, которая успешно наступала, и сам повел его в бой. Не без участия передовых частей 51-й армии и соседнего Южного фронта отряд разгромил гитлеровцев возле Никитовки. Захватив город, большие трофеи, Лелюшенко после этого оказал помощь войскам Южного фронта в борьбе за Горловку, расположенную далеко за границей полосы, определенной для его армии». (А вот в книге Д.Д.Лелюшенко «Москва – Сталинград – Берлин – Прага» на стр. 185

приводится разграничительная схема, из которой определенно ясно, что Горловка входила в полосу Юго-Западного фронта и в зону действий 3-й гвардейской армии Лелюшенко, поэтому его действия ей и соответствовали). «...тем временем Горловку и без этого взяли бы войска 51-й армии» (А.М.Василевский. Дело всей жизни»). Вспомним все же, что история не имеет сослагательного наклонения.

Д.Д.Лелюшенко личность не только удивительная, но и героическая. Достаточно сказать, что свою первую звезду Героя Советского Союза он получил в 1940 году, т.е. еще до начала Великой Отечественной. Вот еще одна цитата из его книги: «259-я стрелковая дивизия полковника А.М. Власенко, используя трофейные машины и тягачи, в чем проявил инициативу начальник штаба дивизии В.А. Поздняков, при поддержке боевых машин 243-го танкового полка В.А. Подлесного буквально на плечах врага ворвалась на северную окраину Никитовки, разгромила более полка пехоты и захватила 25 орудий и минометов».

Много говорили «краеведы» о будто бы тщательно спланированной обороне и укрепрайоне, и о войсках, специально поставленных для его обеспечения. Как видим, спланированной обороны не было, иначе о каких бы «плечах» могла идти речь? Еще цитата из книги Лелюшенко: «Наиболее стремительно действовал при освобождении Горловки 939-й стрелковый полк под командованием подполковника П.В.Ренгача. Обнаружив противника, он без промедления развернул полк, артиллерия ударила прямой наводкой, пехота стремительно пошла в атаку и враг был смят». Вот так гвардейцы Лелюшенко оказались в административном центре Горловки и на его главной в то время площади перед «Домом Советов», а сегодня – зданием «Артемугля».

О том, что Горловку (Никитовку, территорию машзавода им.Кирова и центр города у старого «Дома Советов») освобождала 259-я стрелковая дивизия (сд) 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта во главе с Д.Д.Лелюшенко, в сочинениях сервиллистов вы не прочтете. Это как же надо было игнорировать очевидные, известные, но намеренно умалчиваемые факты об освобождении Горловки 259-й сд, что сообщение об этом появилось в городской газете «Кочегарка» только спустя 58 лет, а передал его по завещанию деда Петра Харитоновича Беяева его внук Валерий («Кочегарка», 6 сентября 2011 г. – «В составе 259-й стрелковой дивизии»). По словам Валерия, «единственное, что всегда огорчало Петра Харитоновича до конца его дней (умер в 1976 г.), что среди воинских частей и соединений, освобождавших Горловку, не упоминали его дивизию». Достопримечательное сообщение показывает, насколько неправдиво, нарочито зашоренно следовали так называемые «краеведы» на поводу сфальсифицированной Совинформбюро истории освобождения Горловки, хотя, при желании, эту информацию можно было давным-давно получить из

книги Д.Д.Лелюшенко. Петр Харитонович Беляев после своей смерти устами внука Валерия прорвал эту блокаду. Теперь можно связать то, что рассказали Д.Д.Лелюшенко и П.Х.Беляев, и достоверно доказать освобождение Горловки 259-й сд. Ведь П.Х.Беляев во время этого события на площади перед зданием «Артемугля» нашел себе даже жену, а потом поселился и прожил жизнь в Горловке. Это еще одна страница советской массовой информации, а вернее – дезинформации. **(От редакции:** последний обширный абзац В.А.Свеженцева не во всем подтверждается известными на сегодня фактами, о чем будет сказано позже).

Среди тех, кто помогал Красной Армии, было немало подростков, становившихся «лоцманами» для наших воинов в море боев. Об одном из таких проводников – своем друге 15-летнем Сергее, мне рассказал свидетель Лелюшковского штурма Никитовки Александр Викторович Приходько: «Мы были в самой гуще наших. Неожиданно движение застопорилось. Немцы открыли яростный и убийственный огонь, накрыв сплошным ковром пристрелянную территорию между двумя железнодорожными насыпями. Сами они укрылись за более высокой». Сергей вызвался провести наших бойцов в тыл немцев. Он первым забрался в заросший кустарником ходок, предназначенный для прокладки кабелей под насыпями. За ним туда по одному стали погружаться бойцы. Сам ходок только в начале был присыпан, а дальше походил по профилю на пещеры Киево-Печерской или Святогорской лавры. Когда батальон пробрался в тыл противника и открыл огонь, ошарашенным немцам только и оставалось, что вывесить на штыках платки и белые тряпки. Откуда только и взялись?! В одну кучу полетело еще дымящееся оружие. Подхватив Сережу, гвардейцы стали подбрасывать его на плащ-палатке, а кто-то успел прикрутить на его ветхий пиджачок гвардейский значок, очень похожий на орден Красного Знамени.

В августе 2011 года автор этих строк в течение двух часов беседовал с приехавшим в Горловку итальянским историком и журналистом Джузеппе Д'Амато. Искал Д'Амато потомков итальянского нашествия. В том, что они были и есть, нет никакого сомнения. Одного из них, необычайно привлекательного подростка, в 1955 или 1956 году я встречал возле квартиры №19 дома №6 на ул.Советской. Он был сводным братом проживавшего в той квартире Сергея, а я сам жил в соседней 21-й квартире. Да, с тех пор прошло более полувека, но если бы кто-то из потомков итальянцев откликнулся, я бы с удовольствием связал бы их с Джузеппе Д'Амато.

ИСТОРИЮ – ИСТОРИКАМ

При подготовке этого «документального повествования» к печати мне, проверяя некоторые приведенные В.А.Свеженцевым доводы и факты,

пришлось перелопатить немало литературы разных жанров – от мемуаристики до исторических очерков и сборников документов, – в которых освещаются события тех военных лет. В результате, соглашаясь в целом с его концепцией, обнаружились и неточности, скажем так, в изложении некоторых фактов и, как следствие, в отдельных выводах, к которым приходит В.А.Свеженцев. Хотя, следует признать, что подобные неточности нередко являются следствием неточности или неполноты информации, изложенной в тех источниках, которыми пользовался тот или иной автор.

Начнем с обороны Горловки (а точнее – Горловского района) в 1941 году. В истории с окружением в Никитовке колонны полковника Кьяромонти, о которой рассказывает В.А.Свеженцев со ссылкой на книгу Г.С.Филатова, называются даты 7 декабря и 13 декабря (начало и конец окружения). Это сразу же насторожило, потому что со школьной скамьи запомнилось, что Горловку наши войска покинули осенью 1941-го, а не зимой. Пришлось обратиться к другим источникам для уточнения даты захвата Горловки неприятельскими войсками. Однако оказалось, что даже в советских источниках по этому поводу единообразия не наблюдается. Так, в историко-экономическом очерке И.С. Павлика «Горловка» (издательство «Донбасс», 1971) на стр. 93 читаем: «Но превосходство врага, особенно в танках, было значительным, и 29 октября после тяжелых боев Горловка была оставлена частями Красной Армии». А вот в появившейся четырьмя годами ранее в том же издательстве книге «Горловка. Биография города» указывается уже другая дата: «2 ноября 1941 года после тяжелых боев Горловка была оставлена частями Советской Армии» (стр.71). Не помогло установить «истину» и обращение к изданному в 1980 году сборнику документов и материалов «Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)». Здесь можно найти только точную дату, касающуюся областного центра, и то лишь потому, что по этому поводу было отдельное сообщение Совинформбюро, датированное 26 октября 1941 г.: «...После многодневных сражений, в ходе которых немецко-фашистские войска потеряли до 50 тыс. убитыми и ранеными, свыше 250 танков, более 170 орудий, около 1200 автомашин с военными грузами, наши части оставили г.Сталино». Правда, внизу страницы в сноске указано: «Г.Сталино был оккупирован немецко-фашистскими войсками 21 октября 1941 г.». Вот такая вот история с датами нашей истории.

Но не будем спешить с обвинениями авторов в искажении исторических фактов или небрежном отношении к историческим датам. Потому что здесь не все так просто, как может показаться на первый взгляд. И причина этому – тоже историческая. Взять хотя бы тот факт, что это сегодня Горловку мы рассматриваем как единый город, будь то Калиновка, Комсомольский, Новогорловка и т.д. Но до и во время войны это были абсолютно разные города. Поэтому для того, чтобы называть точные даты сдачи и

освобождения именно «Горловки», крайне необходимо уточнять, о какой части города идет речь.

В этом плане показателен соответствующий отрывок из научно-публицистического очерка горловского краеведа П.И.Жеребецкого «Горловка в годы Великой Отечественной войны» (1993 г.). В частности, автор пишет: «28 октября была оставлена часть Никитовки, а 29-го – и центральная часть Горловки... Более месяца нашими оставались центральная часть Никитовки, поселки шахт им. Румянцева, им.Калинина, Госбайрак... В начале декабря фронт передвинулся к Дебальцево». Вот и решай, была Горловка оккупирована в ноябре или нет? Кстати, дата 29 октября здесь совпадает с названной И.С.Павликом в его очерке «Горловка». Но откуда тогда взялась также уже упоминавшаяся, но другая дата – 2 ноября?

Точного ответа на этот вопрос у меня нет. Но могу лишь предположить, вернее, процитировать слова непосредственного участника тех событий – командующего Итальянским экспедиционным корпусом генерала Джованни Мессе. В своей книге «Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.)» он пишет: «Дивизии «Пасубио» предстояло взять Горловку. Бои велись начиная с пригородов внутрь населенного пункта и приняли уличный характер. 2 ноября к атаке подключились части дивизии «Челере», и Горловка оказалась в наших руках». Как видим, здесь тоже называется дата 2 ноября. Она же упоминается и в изданной в 2001 г. книге П.И.Жеребецкого «Горловка», где Петр Иванович приводит выдержку из протокола допроса взятого в плен командира итальянской роты: «Когда наши два батальона вошли в город Горловку, то солдат в городе не было, а по нам стреляли из полуподвалов гражданские... Мы впервые вступили на окраину города второго ноября, а совсем взяли город только к исходу дня пятого ноября». Но с учетом того, что именно считать «Горловкой», и эти даты могут иметь относительно условный характер.

Это прекрасно иллюстрирует еще один отрывок из книги итальянского командующего: «5 декабря 1941 г. на левом фланге К.С.И.Р. (итальянского экспедиционного корпуса – М.Г.) началась атака 17-й немецкой армии. Я сформировал сильную кавалерийскую колонну и отправил ее в разведку вдоль по линии железной дороги Горловка – Никитовка. Оказалось (!!! – М.Г.), что почти вся территория на восточном направлении полностью занята противником». Вот так вот! – более месяца Горловка находится в руках врага, но вдруг «оказывается», что всего в нескольких сотнях метров от тогдашнего ее центра города все это время находились части Красной Армии. В принципе об этом же сообщал и П.И.Жеребецкий. Просто из-за начавшихся еще в середине ноября сильных морозов, к которым итальянские войска были совершенно не подготовлены, какое-то время о

ведении активных боевых действий с их стороны речи не шло.

Однако при всем уважении к военачальникам, их воспоминаниям и мемуарам, а также не меньшем уважении к труду и мнению писателей, журналистов и краеведов, все-таки логичнее было бы доверять историкам, вернее, их информации, основанной на поиске и изучении исторических документов. Поэтому обратимся к специалистам-историкам, которые профессионально изучали заинтересовавший нас вопрос. В 2010 году вышло в свет довольно объемное (свыше 500 стр.) научное издание «Горловка в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы (1941 – 1950): исторический очерк и источники». Его авторы – кандидаты исторических наук В.Е. Сусликов и Д.Н. Титаренко. Ценность данного издания состоит именно в профессиональном историческом подходе к освещению основных событий, происходивших на территории Горловского района в те годы, – с использованием источников из архивных хранилищ Украины, России и Германии. В целом трактовка событий и дат здесь совпадает с описанными итальянским главнокомандующим Дж.Мессе. Бои за Горловку велись с 26 октября по 5 декабря 1941 г., последние бойцы нашей 74-й сд покинули околицы Калининска и Кондратьевки вечером 5 декабря. Сделано это было по приказу командования, чтобы избежать окружения из-за прорыва фронта врагом в направлении на Дебальцево.

ИТАЛЬЯНЦЫ В ГОРЛОВКЕ

К рассказу В.А. Свеженцева о пребывании итальянцев в нашем городе особо добавить нечего. Единственное, что, на мой взгляд, следовало бы упомянуть, это причины, по которым итальянские солдаты и офицеры запомнились пережившим оккупацию горловчанам не как жестокие оккупанты, а (в отличие от немцев) как относительно толерантные к местному населению войска. Об этом мне довелось слышать еще в детстве от тех, кто пережил оккупацию. Об этом же в своей книге очень подробно рассказал и генерал Мессе, в годы войны командовавший Итальянским экспедиционным корпусом, а позже ставший маршалом и пользовавшийся в Италии большим авторитетом.

Причинами толерантности итальянцев к местному населению Мессе объясняет, во-первых, присущими его землякам человеческими качествами: добротой, незлобивостью и жизнерадостным нравом, а во-вторых, – прямыми указаниями военного руководства (то есть его самого и подчиненных ему командиров) итальянским войскам о том, чтобы не только не обижать жителей, но и относиться к ним с уважением и чуть ли не по-дружески. Генерал приводит немало примеров таких отношений. При этом Мессе прямо осуждает немцев за их высокомерие и жесткость по отношению к мирному населению оккупированных районов. И тут же называет причину этого, имеющую, по его мнению, исторические корни.

Немцы, мол, являются потомками древних германцев, которые отличались грубым и воинственным нравом. А вот итальянцы – потомки славных римлян, известных своей высокой моралью, образованностью и благородством. Как вам такое сравнение итальянского аристократа? Не из-за такого ли отношения между командованием союзников (немцами и итальянцами) время от времени возникали недоразумения и даже серьезные размолвки, документально подтвержденные?

Ну а лично мне после прочтения книги Мессе вспомнился рассказ одной знакомой, мама которой иногда вспоминала события тех лет. На постой к ним определили молоденького, лет 18-ти итальянского солдата. Паренек был из крестьянской семьи, и этим обстоятельством не преминула воспользоваться хозяйка дома. Она так нагрозила постояльца работой по домашнему хозяйству, что со стороны юношу можно было принять за батрака. Но добрый и милый парень (по воспоминаниям мамы моей знакомой) только рад был этому – привыкший дома, в Италии, к нелегкому крестьянскому труду, он с удовольствием занялся им и в Украине. Ну зачем такому воевать? Постепенно мама и ее дочери так сдружились с «оккупантом», что стали воспринимать его как сына и брата. А он, в свою очередь, таскал в семью все, что мог, в основном продукты, в том числе и сладости, которые можно было раздобыть на военных продовольственных складах. Поэтому неудивительно, что в подобных ситуациях молодость могла брать свое, и в результате возникали не только дружеские, но и более высокие чувства. В этом смысле не случаен был и визит в Горловку итальянского историка и журналиста Джузеппе Д'Амато, разыскивавшего потомков таких союзов («Кочегарка» писала о его приезде и поисках детей итальянцев в прошлогоднем номере за 18 августа).

А СТОИТ ЛИ СПОРИТЬ?

В освобождении Горловки (точнее – Горловского района, включавшего, как уже говорилось, и другие населенные пункты) участвовали шесть стрелковых дивизий Красной Армии: 126-я, 127-я, 257-я, 259-я, 271-я и 346-я. Стремительное наступление велось почти одновременно с севера, востока и юга. Есть ли смысл спорить о том, войны какой из них первыми оказались возле «Дома Советов»? Разве от этого хоть как-то приуменьшится значение героического подвига остальных наших воинов, сражавшихся за освобождение Горловки от врага, многие из которых отдали за это свои жизни? Мне кажется, спорить об этом не совсем этично. Ну а то, что не все дивизии, участвовавшие в освобождении города, получили наименование «Горловских», – вовсе не объясняется, на мой взгляд, какими-то кознями Совинформбюро или других структур. Просто эти дивизии принимали участие не только в боях за Горловку, но и освобождали другие города Донбасса. Та же 259-я сд под командованием полковника А.М.Власенко, молниеносно освободив 4 сентября Никитовку и приняв участие 5 сентября

в освобождении части Горловки, уже к вечеру того же дня ворвалась в Артемовск. Для пехоты это был невиданный темп. За что в изданном 8 сентября приказе Верховного Главнокомандующего 259-я и была удостоена наименования «Артемовской». Тогда же 127-й сд присвоено наименование «Чистяковской» (Чистяково – ныне Торез), 346-й сд – «Дебальцевской», а 126-й сд и 271-й сд – «Горловских». И никаких тут обид быть не может и не должно быть.

Совсем другое дело, что в последующие годы, когда народ торжественно отмечал дни освобождения своих городов, в эти города, как правило, приглашались и приезжали представители «именных» дивизий. В Горловку – «Горловских» 126-й и 271-й, в Артемовск – «Артемовских» 259-й и 266-й и т.д. И само собой разумеется, что номера именно этих дивизий чаще всего звучали во время проведения торжественных мероприятий. Наверное, именно это и имел в виду В.А. Свеженцев, говоря о незаслуженно «забытых» горловчанами Д.Д.Лелюшенко и 259-й сд. Да нет, никто никого не забывал, хотя доля правды в этом упреке и есть: если вспоминать и чувствовать, то называть надо бы всех и всегда.

Кстати, в следующем году горловчане будут отмечать 70-летие освобождения города от оккупантов. Этому событию, как уже говорилось, посвящено немало строк, так что каждый желающий может освежить в своей памяти или заново узнать о том, как развивались тогда события, прочитать о подробностях боев, которые велись на подступах и в самом городе, восхититься мужеством наших воинов, проявленным в их героической борьбе за освобождение Горловки. В библиотеках города для этого имеется немало литературы, было бы только желание с ней ознакомиться.

Мы же лишь вкратце напомним о том, как в течение двух славных дней сентября Горловка была освобождена от врага. Вот как описывают эти события в своей книге наши историки-земляки В.Е.Сусликов и Д.Н.Титаренко: «Утром 4 сентября 1943 г. советские войска вышли на околицы Горловки. Части 259-й дивизии ворвались с севера в Зайцево и Байрак, группа Лелюшенко атаковала Никитовку и северную часть Горловки. Части 126-й и 127-й дивизий вошли в город с востока. А 271-я со стороны Енакиево. Немецкие войска оказывали непродолжительный отпор и ночью с 4 на 5 сентября 1943 г. отошли на укрепленные позиции по берегу Кривого Торца. В течение 4 сентября в уличных боях были освобождены северная и центральная часть Горловки, Калининск и Никитовка, а 5 сентября части 271-й дивизии освободили Пантелеймоновку, Михайловку и Озеряновку. Таким образом, 4-5 сентября вся территория Горловского района была полностью освобождена от немецких войск. Быстрота операции объяснялась в первую очередь значительным количественным и качественным преимуществом советских войск». А от себя добавим: и

проявленными при этом нашими солдатами и офицерами образцами мужества и героизма.

Михаил ГУБАШ

О ГОРЛОВЧАНАХ:

СЛЮСАРЕНКО, Захар Карпович

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: *Слюсаренко З. К.* Последний выстрел. — М.: Воениздат, 1974.

Книга на сайте: http://militera.lib.ru/memo/russian/sljusarenko_zk/index.html

Иллюстрации: http://militera.lib.ru/memo/russian/sljusarenko_zk/ill.html

OCR, правка: Андрей Мятишкин (amyatishkin@mail.ru)

Дополнительная обработка: Ноахер (hoaxer@mail.ru)

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

Слюсаренко З. К. **Последний выстрел.** — М.: Воениздат, 1974. — 222 с. с портр. и илл. — (Военные мемуары). Тираж 65 000 экз.

Аннотация издательства: Великую Отечественную войну Захар Карпович Слюсаренко начал командиром танкового батальона, а закончил командиром прославленной 56-й гвардейской танковой бригады. За смелые боевые действия бригада была награждена орденами Красного Знамени, Суворова, Кутузова, а за участие в овладении столицей гитлеровской Германии — орденом Ленина. Автор дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск З. К. Слюсаренко тепло пишет о людях, с которыми ему довелось воевать под Радзеховым, Львовом, на сандомирском плацдарме, у стен Берлина. Его воспоминания — это взволнованный рассказ о мужестве, стойкости, преданности Родине наших бойцов, командиров, политработников, рассказ об истоках и сути массового героизма советских людей.

СОДЕРЖАНИЕ

Прислал мне письмо и бывший стрелок-радист гвардии рядовой Григорий Филипповский. Сейчас он проживает в Донбассе, в Горловке, трудится на машиностроительном заводе. В 1945 году Филипповскому было всего восемнадцать лет, а сейчас, пишет он, у него уже серебрятся виски.

А вот еще одно письмо, которое нельзя читать без волнения. Прислал его бывший гвардии рядовой сапер роты управления нашей бригады Василий Иванович Козачок, проживающий сейчас в Харькове.

«Я, — пишет В. И. Козачок, — прошел вместе с 56-й гвардейской танковой бригадой длинный боевой путь. Вы, Захар Карпович, вручали мне орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Я очень любил нашу бригаду, гордился ею, считал ее своим родным домом. Но, как часто бывает на войне, меня постигло несчастье.

Это случилось в ночь на 21 января 1945 года, когда [217] мы уже громили гитлеровцев на их собственной земле. В ту ночь я участвовал в танковой разведке, возглавляемой гвардии лейтенантом Орефьевым. Наши тридцатьчетверки (три машины) благополучно пересекли дорогу, миновали лес, опустились с бугра, но когда стали подходить к цели, то есть к маленькому населенному пункту, напоролись на немецкую противотанковую засаду. По нас со всех сторон стали бить пушки. Завязался, разумеется, бой. Участвовать в нем я, к сожалению, не мог, так как в первую же минуту был тяжело ранен в оба глаза и меня отнесло далеко в сторону. Загорелась на мне и одежда.

Что делать? Куда деться? Ночь ведь, но, даже если бы был день, я все равно ничего бы не увидел, так как сразу ослеп. «В госпитале вылечат, выздоровею — и обратно в бой. Берлин-то не взят еще!» — такие мысли, помню, появились у меня в те минуты.

Принимаю решение ползком добраться до леса. Фашисты стреляют и стреляют. Двадцать осколочных ранений получил (об этом я узнал, конечно, уже в госпитале) и все равно ползу. Четыре дня минуло, пока подобрали товарищи. Подобрали на нашей стороне, так как все эти четыре дня я не ждал божьей помощи, а полз к огневым позициям советских войск. Ориентиры простые — слух и солнце. Солнце, правда, тогда еще грело плохо, и все-таки чувствовал откуда греет: с востока, скажем, или с юга...

Теперь мне все говорят: «Василий Иванович, вы настоящий герой. Потеряли зрение, были изранены осколками, вынесли голод, холод — и не растерялись». А я им на то без всякой рисовки ответ даю: «Все советские

солдаты и офицеры были такие. Я просто верил в нашу победу над заклятым врагом, драться с ним еще собирался. Отсюда, конечно, и силы взялись».

Да, совершенно прав мой боевой друг. Каждый из нас верил не в судьбу и не в «божью волю», а в нашу победу. Любовь к социалистической Родине и верность ей давали нам силы, мужество и стойкость в схватке с опасным и сильным врагом, помогли нам победить.

После одного из походов «Гремящий» ошвартовался в Архангельске. На корабль прибыла почта. В руках матросов замелькали разноцветные конверты. Были и долгожданные весточки из освобожденных от врага районов. Они принесли с собой и радость, и печаль.

«Родной Витенька! — писала моему другу артэлектрику Мустецову мать из Горловки. — То, что мы пережили за время пребывания здесь фашистов, невозможно описать... Каждый день и ночь на улицах нашей шахтерской Горловки слышались выстрелы. То шла охота на нас, советских людей...

Витя, родненький ты мой! А что они сделали с нашей семьей! Твою любимую сестрицу, нашу красавицу, угнали в проклятую неметчину на каторгу... Если ты, сыночек, живой и здоровый и получишь это мое письмецо, мсти паразитам, пока твои глаза их видят... Им не должно быть места на земле!..

Крепко тебя обнимаю, мой родной, и горячо целую. Твоя мама».

Виктор Мустецов только недавно выписался из госпиталя. Там он лечился после ранения на Муста-Тунтури. Показав мне письмо матери, Виктор заявил, что будет опять проситься в морскую пехоту, на сухопутный фронт. С трудом удалось его уговорить не делать этого. Здесь, на корабле, нас тоже ждала боевая работа, не менее важная, чем на сухопутье. [157]